

Секция «Социальная философия и философия истории»

Современная утопия, или Назад в будущее

Научный руководитель – Петренко Валерия Владимировна

Фоменко Анастасия Павловна

Аспирант

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Философский факультет, Томск, Россия
E-mail: anastasy.ftd@mail.ru

Третье тысячелетие и XXI век. Привычно слышать, что мир не стоит на месте. Кажется, что все вокруг стремительно меняется и осовременивается. Так, мы располагаем современными технологиями и препаратами, внедряем современные методики лечения и обучения, следим за современными веяниями и тенденциями на рынке, в моде, в профессии и т.д. Складывается впечатление, что практически все, что существовало когда-то, заняло свою современную версию. Но, как известно, впечатление порой бывает обманчивым. Высотная архитектура, возросшие скорости, виртуальная реальность еще пока поражают воображение человека. Но что если обратиться к самой квинтэссенции воображения любой эпохи - утопии? Какой она стала и какое место она занимает в умах сегодня?

На запрос «современные утопии» в поисковой строке браузера самыми популярными вариантами ответа являются ссылка на «Современную утопию» Г. Уэллса 115-летней давности и череда фантастических изображений урбанистического кошмара, имеющих откровенно антиутопический характер. О чем это говорит? О том, что утопия устарела и стала непопулярной? О том, что от нее отказались как от ненужной? Или о том, что ее по какой-то причине больше не получается создать? Если справедлива первая или вторая версия, то беда не так велика. Но если справедлива третья и если в самом деле что-то стряслось именно со способностью к утопии как таковой, то в этом следует разобраться. При каких условиях в принципе появляется утопия?

П. Тиллих утверждает, что утопия возможна лишь тогда, когда имеет место напряжение между *прошлым* и *будущим* [5]. По мнению Ф. Аинсы, утопия создает противобраз реальности, отрицая «здесь и сейчас» и говоря «нет» действительности, только потому, что вбирает ценности *прошлого* и проецируется в *будущее*. В эссе «Реконструкция утопии» весь исторический процесс и сопровождающее его шествие утопий предстают вычерчивающими путь между тоской человечества о потерянном рае, оставшемся в *прошлом*, и надеждой на приход к земле обетованной, зовущей из *будущего* [1]. Создатель философии надежды Э. Блох, выстраивая для утопии целую онтологию Еще-Не-Бытия, утверждает, что Новое опосредовано знаками перемен в Прошедшем, зовущими дальше, и неоднократно повторяет, что нужно возвращаться к *прошлому*, которое предвосхищает *будущее* [2].

Отсюда напрашивается аналогия, что время утопии есть по сути время Эона, в котором только и рождаются смыслы, совершаются события, а настоящее непрерывно дробится на *прошлое* и *будущее*, разбегаясь и устремляясь в двух направлениях сразу [4]. И насколько утопия возможна в Эоне, настолько она немыслима в Хроносе. Последний Ж. Делёз описывает как бесконечное и цикличное настоящее, не позволяющее становлению перескочить через «теперь» [4]. И ведомый той же интуицией Э. Блох пишет: «Теперь-мгновение не может разделить временной ряд хронически, хроно-логически на прошлое и будущее» (Блох, 1997, 177).

Судя по всему, сегодня и правда господствует Хронос. Средства массовой информации не столько рассказывают о событиях, сколько ведут хроники мелких происшествий. Цикличность вышла за рамки только природных процессов и укоренилась в социуме. Каждые

50 лет завершаются циклы Кондратьева в мировой экономике; каждые 40 лет возвращается мода; каждые 5-6 лет запускаются избирательные кампании, итоги которых, как правило, не меняют ничего по существу. Но «мир не заключен автоматически в вечные, повторяющиеся круги» (Блох, 1997, 314). По мнению Д. Гребера, все свидетельствует о том, что ключевым элементом современности является «устранение возможности представить <...> будущее, которое будет в корне отличаться от сегодняшнего мира» (Гребер, 2016, 119). Поставленное на конвейер производство ежеминутных маленьких сенсаций со стойким привкусом дежавю наглядно демонстрирует, как «Теперь <...> шагает на месте <...>, несмотря на свою беспокойность» (Блох, 1997, 278). Благодаря глобализации и коммуникации все на планете сделалось симультанным, и потому, считает Ф. Аинса, сегодня настоящее не знает границ и не испытывает ни новизны, ни ностальгии [1].

В самом деле, все чаще единственным поводом обратиться к прошлому становится возможность извлечь из него уроки, дабы не повторить уже совершенные кем-то и когда-то ошибки в будущем собственном, простирающемся не дальше появляющейся перед нами каждый вечер постели и потому неподлинном [2]. Желание заглянуть за горизонт событий не идет дальше плана на день, расписания на неделю или составленных исключительно из прагматических соображений краткосрочных программ с предсказуемыми результатами [1,3].

Вместе с тем сегодня наблюдается навязчивая риторика будущего. Настойчивость, с которой говорится о необходимости предвидеть будущее, а также учиться и учить других будущему, настораживает. Не похоже ли это на неосознанное проговаривание собственного симптома? Почему после стольких веков, наполненных порывами, стремлениями, фантазиями и мечтами о будущем, вдруг понадобилось специально учиться тому, что всегда давалось легко? Не оттягивает ли процесс обучения нашу встречу лицом к лицу с тем, чему мы учимся? Например, никто не позволит первокурснику представлять подзащитного в суде или лечить пациента в клинике. Психологи подтвердят, что мы сторонимся того, к чему не готовы, и того, чего боимся. А раз так, не выходит ли, что за всей речевой бравадой о новых перспективах и завтрашнем дне мы намеренно сторонимся будущего, потому что страшимся его? Безобидная на первый взгляд фраза «нечто является утопическим», которую все, наверняка, много раз слышали, если не произносили сами, это, по мнению Э. Блоха, и есть фраза, более всего «начиненная страхом перед будущим» (Блох, 1997, 127).

А, как известно, страх - это паралитик. На страх перед будущим накладывается страх перед прошлым; и то, и другое оказывается под внутренним запретом, а, значит, под запретом оказывается и утопия. Отсутствие утопии сковывает все в настоящем, лишая его жизнеспособности [5]. Настоящее замыкается в цикл, и так утверждается Хронос. Лишь преодолев страхи, мы сможем его разомкнуть и вытянуть в линию Эона. И лишь с ностальгией вспомнив прошлое, в котором не составляло никакого труда уноситься мыслями в будущее, мы найдем, что сказать о современных утопиях.

Источники и литература

- 1) Аинса Ф. Реконструкция утопии. М., 1999.
- 2) Блох Э. Тюбингенское введение в философию. Екатеринбург, 1997.
- 3) Гребер Д. Утопия правил: о технологиях, глупости и тайном обаянии бюрократии. М., 2016.
- 4) Делёз Ж. Логика смысла. М., 2011.
- 5) Tillich P. Critique and Justification of Utopia // Utopias and Utopian Thought. Boston, 1966. P. 296-309.